

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

**Актуальные проблемы модернизации
российского уголовного законодательства
и практики его применения**

Материалы
III Международной научно-практической
конференции
(26 – 27 сентября 2013 г.)

*Ответственный редактор
заслуженный деятель науки РФ,
профессор Л. Л. Кругликов*

Ярославль
ЯрГУ
2013

УДК 343:343.9(082)
ББК Х628.1я43+Х628.3я43

Издание подготовлено в рамках проекта РГНФ № 11-03 -00155а.

Рецензенты:

Автономная некоммерческая организация
«Ярославское правовое научно-исследовательское общество»
(директор – **И. В. Ульхов**),
зав. кафедрой уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук **С. Д. Бражник**, академия МУБиНТ

Актуальные проблемы модернизации российского уголовного законодательства и практики его применения: материалы III Международной научно-практической конференции (26 – 27 сентября 2013 г.) / отв. ред. Л. Л. Кругликов; ЯрГУ. – Ярославль, 2013. – 230 с.

ISBN 978-5-8397-0978-2

В сборнике изложены тексты выступлений и статей ученых из зарубежных научных учреждений, вузов РФ, а также работы членов кафедры уголовного права и криминологии – организаторов конференции, и практических работников.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, соискателей, студентов, а также работников правоохранительной системы.

Работа издана в авторской редакции.

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук Л. Л. Кругликов (отв. редактор);
канд. юрид. наук А. В. Иванчин;
канд. юрид. наук О. Г. Соловьев

ISBN 978-5-8397-0978-2

© Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2013

А. С. Грибов

(Администрация Ярославской области)

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ США

Как известно, помимо законодательства или статутного права, источником американского уголовного права является прецедентное, или общее, право. Роль и значение последнего в непосредственном регулировании уголовно-правовых отношений в XX-XXI в.в. продолжали падать. Такой вывод подтверждается, в частности, тем фактом, что преступность деяний на федеральном уровне и в большинстве штатов США определяется только на основании законодательства¹. Однако это не значит, что там нет общего права. Осуществляя толкование законодательства, восполняя его пробелы, исправляя другие недостатки, суды по-прежнему занимаются правотворчеством. Особенно велика в этом роль Верховного Суда США, в меньшей степени - федеральных окружных судов и верховных судов штатов. Однако если первые способствуют унификации общего права в масштабе всей страны, то последние, наоборот, - создают противоречия, не в последнюю очередь обусловленные различиями в уголовном законодательстве штатов. Это обстоятельство явилось причиной того, что общее право одного штата может существенно отличаться по содержанию от общего права другого². Хотя, как отмечается в литературе, в последние десятилетия в США

¹ На федеральном уровне преступления общего права были поставлены «вне закона» решением Верховного Суда страны еще в 1812 г. (см.: Уголовное право США: Сборник нормативных актов. М., 2010. С. 15).

² «Решения судебных органов одного штата имеют лишь силу убеждающего прецедента для судов другого штата» (Уголовный кодекс штата Техас / Научн. ред. И.Д. Козочкин. Перев. с англ. Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб., 2006. С. 7).

предпринимаются попытки сближения и норм общего права отдельных штатов³.

Думается, эта тенденция обязана своим развитием, а возможно и появлением, реформе уголовного законодательства штатов, начало которой было положено изданием в 1962 г. окончательного варианта Примерного УК⁴. Одним из первых штатов, который откликнулся на «приглашение» к реформе в наибольшей мере, был штат Нью-Йорк, где в 1965 г. был принят, а в 1967 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс⁵. Поскольку некоторые вопросы в Примерном УК были изложены слишком абстрактно или вообще не рассмотрены, штаты при проведении реформы своего уголовного законодательства также ориентировались на УК штата Нью-Йорк и проекты федерального УК, прежде всего на «исследовательский» проект. Реформа уголовного законодательства была проведена и в штате Техас, где в 1973 г. был принят новый Уголовный кодекс (вступил в силу 1 января 1974 г.), заменивший собой УК 1925 г.

Обратим внимание на то, что в федеральном законодательстве США составы экономических преступлений содержатся не только в разд. 18 Свода, но также в целом ряде других. Раздел 26 Свода описывает, помимо иных налоговых правонарушений, также налоговые преступления, в разд. 15 содержатся некоторые составы мошеннических действий и т.д. То есть на федеральном уровне отсутствует стройная система кодификации экономических преступлений. На этом фоне российский УК, классифицирующий все преступления по родовому объекту (которому соответствуют главы Кодекса), выглядит гораздо предпочтительнее. Отметим также, что и на уровне уголовного законодательства штатов отсутствует четкая систематизация экономических преступлений, подобная российскому варианту. Одним из видов посягательств, в отношении которого

³ См.: Головин К.Е. Уголовное право США на пороге перемен // Адвокат. 2010. № 3. С. 45; Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира. М., 2003. С. 169, 171.

⁴ См.: Примерный Уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / Под ред. Б.С. Никифорова. М., 1969.

⁵ О причинах, побудивших к проведению реформы и о ее характере, см.: Козочкин И.Д. Реформа американского уголовного права // Государство и право. 1993. № 9. С. 142-151; Козочкин И.Д. 35-летие Примерного уголовного кодекса - годы успехов и неудач в реформировании американского уголовного права // Государство и право. 1998. № 12. С. 82.

федеральные власти предпринимают значительные усилия по законодательной унификации, являются налоговые преступления. Это в первую очередь обусловлено значением налоговой системы для государства и тем, что 80% налогов в США регулируются федеральным законодательством.

Действительно, одними из наиболее опасных экономических преступлений в Америке считаются *налоговые преступления*. После того, как в 1913 г. вступила в силу 16-я поправка к Конституции США, предоставившая американскому Конгрессу полномочие «устанавливать и собирать налоги на доходы, каковы бы ни были их источники», налоги стали играть все возрастающую роль в экономике США, и более 50 % поступлений в федеральный бюджет стали складываться из федерального налога на доходы⁶. Налоговые преступления описаны в разд. 26 Свода законов США, в котором сосредоточены нормы налогового права. Здесь же в одном из четырех разделов гл. 75 содержатся и уголовно-правовые нормы. Как отмечает А.П. Кузнецов, «налоговое законодательство в США имеет свои специфичные признаки и отличается чрезмерной запутанностью и сложностью, что предопределяет значительные трудности в привлечении к уголовной ответственности тех, кто нарушает нормы налогового законодательства, уклоняется от уплаты налогов»⁷.

С увеличением размеров налоговых платежей стало расти и число махинаций в области налогообложения, несмотря на их уголовно-правовой запрет. При всей пестроте применяемых в этой области санкций - гражданских, административных, уголовных - в сфере ответственности за уклонение от налогов сложилось мнение, что, даже если субъектом налогового правонарушения является крупный бизнесмен или корпорация, правосудие посягает не столько на бизнес, сколько на его плоды - полученные от него доходы, то есть подорвать основы функционирования самого бизнеса судебное решение не может. Отсюда и более спокойное отношение к уголовным санкциям со стороны общественного мнения.

За нарушение налогового законодательства в США предусматривается гражданско-правовая, административно-правовая

⁶ См.: Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М., 1990. С. 178.

⁷ Кузнецов А.П. Ответственность за налоговые деликты по законодательству США // Финансовое право. 2005. № 6. С. 47; см. также: Мамонтов Р.Г. Налоговые преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран // Современное право. 2012. № 2. С. 45.

и уголовная ответственность, а выбор между ними регулируется довольно сложными правилами и процедурными установлениями⁸. Характерной особенностью уголовной ответственности за нарушение налогового законодательства является то, что она наступает как для физических, так и для юридических лиц (корпораций) в случаях неуплаты налогов и при попытке уклониться от уплаты налога. Все преступления в США классифицируются по степени тяжести на фелонии («felony» - тяжкие) и мисдиминоры («misdemeanor» - менее тяжкие). Следует отметить, что в США это традиционное для англосаксонской системы права разграничение преступных деяний на фелонии и мисдиминоры сохраняется несмотря даже на то, что в Англии такое деление отменено⁹.

Согласно § 7203 разд. 26 Свода законов США, в мисдиминоре виновен тот, кто не уплатил любой исчисленный налог или не подает своевременно требуемую налоговую декларацию или отчет, содержащий информацию о доходах, подлежащих налогообложению за определенный период. Виновный подвергается наказанию в виде штрафа в размере до 25 тыс. долларов и (или) лишению свободы на срок до 1 года. Если частное лицо, обманывая своего работодателя, представляет ему намеренно ложную информацию относительно налоговых льгот или намеренно не предоставляет необходимую информацию, оно наказывается штрафом в размере 1 тыс. долларов и (или) лишением свободы сроком до одного года.

Вообще, большинство налоговых преступлений, предусмотренных законодательством США, представляет собой попытку различными способами уклониться от уплаты налога. Попытка уклониться от уплаты налога считается тяжким преступлением и относится к категории фелонии. Любая попытка предполагает умышленные действия, выражающиеся в сокрытии или искажении информации о доходах. В большинстве составов налоговых преступлений обман, мошенничество, подделка являются методом сокрытия¹⁰.

В § 7201 разд. 26 Свода законов США сформулировано понятие попытки уклониться или избавиться от уплаты налога: «тот, кто

⁸ См.: Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Указ. соч. С. 178.

⁹ См.: Решетников Ф.М. Введение // Налоговые преступления и проступки. М., 1995. С. 2.

¹⁰ См.: Апарова Т.В. США. Уголовная ответственность за нарушения федерального налогового законодательства // Налоговые преступления и проступки. М., 1995. С. 39.

умышленно пытается любым способом уклониться от уплаты или избавиться от налога, предусмотренного данным Сводом законов США, а также от соответствующего платежа, виновен в совершении фелонии и должен быть наказан штрафом в размере 100 тыс. долларов или лишением свободы на срок до пяти лет либо обоими наказаниями вместе с уплатой понесенных обвиняемым судебных издержек».

С объективной стороны данное преступление образуют «существование дефицита налоговых выплат», «утвердительный акт, включающий факт уклонения от уплаты налогов или попытку совершения такого действия», а с субъективной – «умышленность действия». В судебной практике разъясняется, что «утвердительный акт требует большего, чем пассивной невозможности заполнения налоговой декларации, и напротив, не требует активного действия с целью обмануть или скрыть». Всякий «утвердительный акт представляет собой действие с целью введения правительства в заблуждение или сокрытие фондов для избежания уплаты точно установленной недостающей суммы». В деле Спайс против Соединенных Штатов Верховный Суд США разъяснил, в частности, что «факт утвердительной преднамеренной попытки может быть заключен из того, что имеется двойная бухгалтерия, куда заносятся фальшивые сведения, или фальшивые счета, или документы, уничтожение книг или записей, сокрытие имущества или источника доходов, и такое ведение дел, при котором можно избежать учета»¹¹.

В рамках гл. 75 разд. 26 Свода содержатся еще 14 составов налоговых преступлений: § 7202 предусматривает намеренный пропуск сбора и уплаты налогов; § 7203 говорит о «намеренном пропуске подачи налоговой декларации». Это также: «подача ложного заявления или пропуск подачи заявлений сотрудников» (§ 7204); «обман или недостоверное заявление» (§ 7206); «представление недостоверной декларации, заявления или иной документации, представление ложных заявлений покупателей, имеющих отношение к налогам» (§ 7207) и т.п. Нетрудно видеть, что данные составы построены по типу усеченных и не предполагают собственно неуплаты налога, признавая уголовно наказуемым уже сам факт незаконного поведения, задолго предшествующий сроку уплаты налога. На этот факт уже обращалось внимание в литературе: оконченное налоговое преступление в США образует уже только

¹¹ См.: Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 49.

одна попытка уклониться от налогообложения¹². Вряд ли этот опыт заслуживает заимствования, поскольку по уровню общественной опасности подобные акты поведения либо являются, на наш взгляд, непроступными налоговыми нарушениями, либо при наличии прямого умысла должны оцениваться в рамках института неоконченного преступления.

В отдельную группу выделены преступления, относящиеся к покупке, продаже, обмену, использованию марок, купонов, билетов и прочих знаков уплаты, предназначенных для сбора, уплаты налогов (§ 7208 - 7209). Любой подлог, связанный с такими знаками уплаты, является фелонией и наказывается штрафом в размере 10 тысяч долларов и (или) лишением свободы сроком до пяти лет. Тяжким преступлением признается действие по производству и импорту в обход налогового законодательства огнестрельного оружия. Виновный наказывается штрафом до 10 тысяч долларов и (или) лишением свободы на срок до 10 лет.

Нормы о специальном налогообложении в отношении производства и продажи спирта, вина, табачных изделий также предусматривают строгое наказание: штраф до 10 тысяч долларов и (или) лишение свободы до пяти лет. В соответствии с § 5601 - 5614 Свода законов США к такому наказанию могут быть приговорены лица, виновные в том, что они: имеют под своим контролем незарегистрированный аппарат для перегонки спирта в помещении, занимаются производством спирта в помещении, где это запрещено делать; не имеют разрешения на производство спирта; незаконно используют спирт в производстве; незаконно производят, перемещают или используют материал, необходимый для производства спирта; добавляют какие-либо ингредиенты в спирт перед уплатой налога с целью изменить его крепость; незаконно перемещают его или укрывают от уплаты налога; незаконно покупают или получают спирт, зная, что налог на него не уплачен; незаконно участвуют в бизнесе производителя спирта с намерением обмануть государство в отношении налога.

В качестве одного из признаков налоговых преступлений обычно указывается тот, что виновный действует «умышленно», что означает: виновный должен «иметь намерение своим поведением нарушить закон» (этот признак отличает преступное «уклонение» от

¹² См.: Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Указ. соч. С. 180.

уплаты налогов от вполне законного и допустимого их «избежания»¹³.

Законодательство США к категории налоговых преступлений относит и незаконные действия должностных лиц налоговых органов. Ответственность последних наступает независимо от формы вины, т.е. вне зависимости от того, совершено деяние умышленно или по неосторожности. Так, в соответствии с § 7202 гл. 75 Свода законов США всякое лицо, которое, будучи обязанным собирать, рассчитывать и вносить любой налог, намеренно не собирает, нечестно рассчитывает и не вносит налог или рассчитывает его в излишних размерах, наказывается штрафом до 10 тысяч долларов и (или) лишением свободы на срок до пяти лет. Согласно § 7214 упомянутого нормативного акта чиновники и работники налоговой службы, занимающиеся вымогательством или намеренно воздействующие на цветное население либо сговаривающиеся с другими лицами с целью нанести ущерб Соединенным Штатам, ставя подложные подписи или делая ложные записи в учетных книгах, сертификатах, ведомостях, наказываются штрафом до 10 тысяч долларов и (или) лишением свободы до одного года. Заметим, что в отечественной правоприменительной практике действия должностных лиц налоговых органов, содействующих действиям налоговых преступников, должны квалифицироваться как пособничество и злоупотребление (либо превышение) должностными полномочиями (ст. 285, 286 УК РФ).

Незаконное раскрытие сведений, составляющих финансовую тайну, законодательство США относит к группе финансовых преступлений. Однако налоговая тайна как предмет преступления выделена в самостоятельный признак квалифицированного состава. Должностные лица, служащие федеральных органов или штатов, разглашающие любую налоговую информацию, наказываются штрафом до 5 тысяч долларов и (или) лишением свободы до пяти лет¹⁴.

Интересной, на наш взгляд, является система штрафных санкций за совершение преступлений в сфере налогообложения. В частности, существует комбинированный штраф за неуплату налогов: 5 % от неуплаченной суммы плюс 50 % от суммы, которую налогоплательщик получил бы в случае помещения этих денег в банк,

¹³ См.: Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 48.

¹⁴ Более подробно об этом см.: Там же. С. 48-50.

исходя из стандартных банковских ставок. Привязка размеров штрафа к результатам возможной капитализации укрытых от налогообложения доходов - надежное средство предотвратить ситуацию, когда налогоплательщику становится выгоднее не платить налог, а вкладывать «сэкономленные» средства в оборот и получить доходы, во много раз превышающие размеры штрафных санкций, установленных законом¹⁵.

Характерно и то, что в США наказание в виде штрафа нередко устанавливается в размере, кратном преступному доходу, причиненному ущербу или предмету экономического преступления. Данный опыт, с недавних пор используемый Россией в борьбе с коррупционными преступлениями, а также эффективно апробированный в рамках отечественного административного законодательства, есть все основания учесть и при установлении штрафных санкций за экономические преступления (внеся соответствующие поправки в санкции гл. 22 и ст. 46 УК РФ).

Законодательство США к нарушениям, связанным с уплатой различных налогов, относит и *таможенные правонарушения*. В разделе 19 Свода законов США устанавливается порядок взыскания таможенных пошлин и ответственность за нарушение таможенных правил. Он включает в себя: нормы, относящиеся к контрабанде; нормы торгового права и ряд других норм; описание иностранных торговых зон; условия выполнения правил частной торговли, импорта предметов, монументального искусства доколумбовского периода.

Ответственность за таможенные нарушения, по мнению А.П. Кузнецова, можно разделить на две группы. К первой из них он относит правонарушения должностных лиц и служащих таможенных органов, а также правонарушения лиц, пытающихся уклониться от уплаты пошлины. Уголовная ответственность за преступления, совершенные чиновниками налоговой службы, применяется и к другим работникам таможенной службы в соответствии с § 64 главы 1. Необходимо иметь в виду, что ответственность таможенного чиновника за незаконное принуждение к уплате значительно завышенной пошлины специально оговаривается в § 60 гл. 1 разд. 19 Свода законов США. За указанное правонарушение предусмотрено наказание в виде штрафа в 200 долларов.

¹⁵ См.: Серeda И.М. Уклонение от уплаты налогов: Уголовно-правовые и криминологические аспекты // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1998. С. 12.

Ответственность за вторую группу таможенных правонарушений наступает в случаях обмана, грубой небрежности, неосторожности при внесении записи в документы, декларации, книги и др. Так, в соответствии с § 545 разд. 18 Свода законов США контрабандистом признается тот, «кто сознательно и умышленно с намерением обмануть провозит контрабандой или тайно ввозит какой-либо товар, который должен быть указан в счете, либо составляет и проносит или пытается пронести через таможенную любую фальшивый, поддельный или обманный счет или другой документ или бумагу, либо тот, кто обманным образом или сознательно импортирует или ввозит в Соединенные Штаты любой противозаконный товар либо получает, утаивает, покупает, продает или каким-то образом содействует перевозке, сокрытию или продаже таких товаров после их ввоза, зная, что они импортированы или ввезены в Соединенные Штаты вопреки закону, и карается штрафом в размере до 10 тысяч долларов или тюремным заключением на срок до пяти лет либо обоими наказаниями¹⁶.

Контроль за правильностью произведенных записей возлагается на таможенную службу, наделенную особыми полномочиями. В частности, она имеет право проверить любой транспорт, войти на борт судна, вызвать свидетелей, заинтересованных лиц повесткой в суд. В случаях обнаружения подлога, искажения или сокрытия в документах виновный привлекается к ответственности в виде штрафа в размере от 500 до 5 тысяч долларов. Товары, провозимые незаконно, подлежат конфискации.

¹⁶ См.: Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 48-50. См. также: Апарова Т.В. Указ. соч. С. 45.

Т. Б.-о Гаджиев

*(Академия Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики)*

К ВОПРОСУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ КОРЫСТНЫХ ПОБУЖДЕНИЙ

Изучение статистических данных, отражающих количественные изменения преступности, позволяет сделать вывод о том, что на фоне общего снижения регистрируемых криминальных посягательств, отдельные уголовно-правовые деликты характеризуются положительной динамикой. Одним из таких деяний является похищение человека, ответственность за которое предусмотрена ст. 126 УК РФ. Анализ судебной практики по уголовным делам, возбужденным по указанной норме уголовного закона, свидетельствует о том, что в большинстве случаев факты похищения человека обусловлены целью получения экономических выгод либо преимуществ. Корыстный мотив при похищении человека, безусловно, является обстоятельством, усиливающим степень общественной опасности деяния, что очевидно оправдывает позицию законодателя, выраженную в установлении требования применения более жестких уголовно-правовых репрессий за рассматриваемое преступление.

Корыстный мотив при похищении человека фактически свидетельствует о посягательстве на два объекта, подлежащих уголовно-правовой охране, – свободу человека и сферу экономики. Непосредственные правоприменители, как правило, верно оценивают признаки корыстного мотива, являющиеся основанием для вменения соответствующей нормы уголовного закона.

Отсутствие единого подхода представителей следственных органов наблюдается в отношении возможности вменения ст. 163 УК РФ, предусматривающей ответственность за вымогательство при наличии признаков похищения человека, а также освобождения

соответствующих субъектов на основании примечания к ст. 126, устанавливающего, что лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях нет состава иного преступления¹.

Первая из обозначенных проблем обусловлена тем, что ряд правоприменителей соответствующие деяния, выраженные в похищении человека с последующим требованием удовлетворения экономических требований, как условия освобождения, оценивают указанные преступления по правилам конкуренции части и целого, что якобы оправдывает вменение похищения человека из корыстных мотивов без применения нормы уголовного закона, устанавливающей ответственность за вымогательство. При этом такой подход считают оправданным и некоторые теоретики².

Считаем изложенную позицию неверной исходя из следующих аргументов. Ограничиваясь применением статьи, устанавливающей ответственность за похищение человека, сотрудники следственных органов фактически определяют основным объектом свободу, а сфера экономики «задвигается» в разряд дополнительных объектов, что очевидно не соответствует объективным признакам деяния, так как в анализируемой ситуации и свобода человека, и экономические интересы являются равными по значимости объектами. По мнению автора, оптимальной позицией при уголовно-правовой оценке похищения человека, сопряженного с требованиями экономического характера как условия освобождения, является оценка деяния по совокупности норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за вымогательство и ст. 126 УК РФ без вмененияотягчающего признака, выраженного в наличии корыстного мотива. Изложенный подход позволяет осуществить более детальную правовую оценку соответствующего деяния, а, следовательно, больше возможностей для дифференциации ответственности, являющейся ключевым условием реализации принципа справедливости как основополагающего начала уголовного законодательства.

К решению второй из указанных выше проблем также нет единого подхода ни в среде научных работников, занимающихся юридической проблематикой, ни в среде субъектов, непосредственно

¹ См.: Михаль О.А., Власов Ю.А. Некоторые аспекты объективного состава похищения человека // Современное право. 2013. №4.

² См.: Блажнов А. О некоторых вопросах применения статьи 127 УК РФ // Уголовное право. 2005. N 2. С. 50 - 51.

применяющих правовой инструментарий. Как быть в ситуациях, когда похитители добровольно освобождают похищенного после удовлетворения их требований экономического характера? Вопрос обусловлен тем, что формально преступники выполняют требования закона, обуславливающие возможность избежать ответственности, изложенные в примечании к ст. 126. С нашей точки зрения, добровольное освобождение похищенного после удовлетворения экономических требований не согласуется со смыслом указанного примечания, которое не может применяться в случаях достижения преступного результата. Мнение автора в полной мере соответствует позиции высших судебных инстанций, которые устанавливают, что достижение преступниками своих целей, обуславливающих факт похищения, определяет утрату смысла дальнейшего удержания похищенного, что никак не исключает возможность привлечения к ответственности в случае освобождения потерпевшего³.

Безусловно, указанными в рамках настоящей статьи проблемами не исчерпываются все пробелы, обуславливающие низкую эффективность применения нормы уголовного закона, устанавливающей ответственность за похищение человека. Правоприменительные ошибки в значительной мере являются следствием как недостатков технико-юридического характера, так и содержательного несовершенства соответствующих нормативных установлений. Наступательный характер в борьбе с криминальными посягательствами является обязательным условием достижения значимых результатов в противостоянии преступности в целом, и деяниями, посягающими на свободу человека и интересы экономики в частности. Данный факт делает необходимым осуществление постоянной работы, направленной на оптимизацию правового инструментария, в том числе выраженной в дискуссиях представителей научной общественности как в рамках конференций, так и в формате научных публикаций.

³ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.08.1999 г. N 810-П99ПР // Доступ из СПС "Гарант".

Ю. Г. Зуев

(Ярославский областной суд)

МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО (СТ. 290, 291, 291¹ УК РФ)

В рамках модернизации российского уголовного законодательства в 2011 году федеральными законами (№ 420-ФЗ от 7 декабря 2011 года, № 97-ФЗ от 4 мая 2011 года,

№ 329-ФЗ от 21 ноября 2011 года) были внесены существенные изменения в ст. 290 и 291¹ УК РФ, в которых предусмотрена уголовная ответственность за получение взятки, дачу взятки и посредничество во взяточничестве.

Изменения выразились в дифференциации уголовной ответственности с учетом квалифицирующих обстоятельств, характерных для взяточничества в настоящее время. В целом это нововведения и соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 года «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ позитивно отразились на судебной практике. Однако спорных моментов осталось много.

Усовершенствование уголовного закона осуществляется для того, чтобы он отвечал современным требованиям. Модернизация, как и любой иной целенаправленный процесс, оценивается по результату и степени достижения желаемого эффекта. Изменения уголовного законодательства должны осуществляться для решения задач, предусмотренных ст. 2 УК РФ (охрана от преступных посягательств и предупреждение преступлений). Стремясь выработать эффективные меры по предупреждению и искоренению коррупции, были внесены определенные коррективы в уголовное законодательство о взяточничестве.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ, 2013. N 9.

В рамках заявленной темы попытаемся выяснить, насколько эффективным является назначение судами осужденным за преступления коррупционной направленности наказания в виде штрафа. Оправданно ли изменение касательно уголовных дел о преступлениях указанной категории, которые с 1 января 2013 года подсудны районным судам?

Напомню, что вышеуказанными изменениями законодатель за получение и дачу взятки, посредничество, совершенные при квалифицирующих обстоятельствах, в санкциях предусмотрел возможность назначения в качестве основного и дополнительного наказания штрафа в величине, кратной сумме взятки.

В 2012 году и 1 полугодие 2013 года судами Ярославской области рассмотрено 34 дела о взяточничестве в отношении 35 лиц. Из них о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, - 19 дел в отношении 20 лиц; 15 уголовных дел – в отношении 15 лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 291.

По изученным делам максимальный размер взятки составляет 300 тыс. рублей, минимальный размер – 150 рублей, 200 рублей.

Наказание в виде штрафа назначено осужденным по подавляющему большинству указанных выше дел, что позволяет сделать вывод о том, что новый уголовный закон, устанавливающий штраф в величине, кратной сумме взятки, работает.

Однако высказывается обоснованное мнение о том, что при назначении «кратного штрафа» принцип неотвратимости наказания за взяточничество в должной мере не обеспечивается в связи с мягкостью наказания и уклонением осужденных от уплаты штрафа. Уклонение осужденного от уплаты штрафа и слабая работа судебных приставов при решении вопросов исполнения наказания фактически ведет к безнаказанности виновного².

Как нам представляется, установление кратного штрафа за взяточничество при квалифицирующих обстоятельствах оправдано и не свидетельствует о смягчении санкций.

Вспоминается уголовное дело, по которому подсудимый Р. обвинялся в даче следователю взятки в размере 300 тыс. рублей за незаконное освобождение двух лиц от применения мер процессуального принуждения. Узнав, что за содеянное грозит штраф в размере от шестидесятикратной до восьмидесятикратной суммы

² См.: Справка по результатам изучения практики назначения судами наказания и его замены лицам, осужденным за преступления коррупционной направленности. Ярославский областной суд, 2013 год.

взятки, подсудимый заявил, что ему никогда не выплатить такой штраф и попросил суд назначит более мягкое наказание. Суд учел фактические обстоятельства преступления, отсутствие у виновного определенного места жительства и работы, постоянного источника дохода и возможности уплаты штрафа, и по ч. 3 ст. 30, п «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ с применением ст. 64 УК назначил осужденному 8 месяцев лишения свободы без штрафа в исправительной колонии общего режима³.

Вопрос видится в том, что в случае уклонения осужденного от уплаты штрафа ставится под угрозу соблюдение принципа неотвратимости наказания.

Конечно, согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ в случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется другим наказанием, в том числе и лишением свободы в пределах санкции.

В практике судов Ярославской области за указанный период таких случаев не было.

Однако на практике подобные случаи вызывают определенные трудности, которые связаны с неэффективной работой судебных приставов, и реальное применение наказания откладывается на длительный период времени для осужденного, который может скрыться.

Кроме того, если кратный размер штрафа был назначен в качестве дополнительного вида наказания, то его замена в случае злостного уклонения вообще уголовным законом не предусмотрена. В таких случаях назначение штрафа вообще не способствует достижению целей наказания.

Такие случаи встречаются на практике. Например, по одному из уголовных дел С. был признан виновным в даче взятки, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, по которой суд назначил ему наказание в виде 4 (четырёх) месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима и штраф в размере 300 000 (трехсот тысяч) рублей. Отбыв наказание в виде лишения свободы, осужденный скрылся и уклонился от уплаты штрафа⁴.

По нашему мнению, для устранения подобных ситуаций необходимо в уголовном законе предусмотреть возможность в случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или суммы взятки,

³ См.: Дело № 2-29/2012// Архив Ярославского областного суда.

⁴ См.: Дело № 2-38/2012// Архив Ярославского областного суда.

назначенного в качестве основного или дополнительного наказания, и что штраф заменяется другим наказанием, в том числе и лишением свободы в пределах санкции. Мы предлагаем внести соответствующие изменения в текст ч. 5 ст. 46 УК РФ.

Кроме этого, целесообразно было бы предусмотреть в ст. 74 УК отмену условного осуждения в случае, если лицо, осужденное за взяточничество, не уплатило в период испытательного срока кратный штраф, назначенный в качестве дополнительного наказания. Для осуществления более действенного контроля за условно осужденным желательно, чтобы у суда по закону была возможность возложения на условно осужденного обязанности уплатить штраф в определенный период испытательного срока (например, в первую половину испытательного срока).

Анализ судебной практики региона позволяет сделать вывод о том, что суды не испытывают сложностей при разрешении уголовных дел о взяточничестве, несмотря на то, что с 1 января 2013 года дела о преступлениях указанной категории рассматриваются районными судами и не подсудны областному суду. По каким мотивам были внесены изменения в подсудность, сказать трудно.

Как мне представляется, подобным образом уголовные дела о взяточничестве (как и дела о терроризме) были выведены законодателем из подсудности суда присяжных, которые иногда выносили оправдательные вердикты.

Например, суд присяжных вынес оправдательный вердикт в отношении главы сельского поселения, которая обвинялась в получении взятки в виде земельного участка за совершение незаконных действий⁵.

Возможно, при этом учитывались распространенность и влияние коррупционных преступлений на общественное мнение граждан. В этом аспекте примечательна ситуация, описанная в одном из произведений А.П. Чеховым, когда при принятии вердикта по делу в отношении землемера, получившего взятки, присяжные решили, что за обвинительный вердикт могут голосовать только те из них, кто сам ни разу не брал взятки. В результате подсудимый был оправдан⁶.

Однозначной оценки этому изменению подсудности в настоящее время не существует. При этом нужно помнить, что любые изменения законодательства проходят проверку практикой в течение определенного времени.

⁵ См.: Дело № 2-1/2012// Архив Ярославского областного суда.

⁶ См.: Чехов А.П. Безотцовщина. М., 2012. 111 с.

Д. А. Луньков

(Уральская государственная юридическая академия)

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОПОСРЕДОВАННОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вопросы субъективной стороны опосредованного причинения вреда в правовой литературе исследован недостаточно, поскольку для привлечения лица, совершившего преступление посредством другого человека, к уголовной ответственности необходимо, чтобы объективные признаки деяния выступали как выражение воли, проявление психических свойств личности. Субъективная сторона порождает, направляет объективную сторону преступления¹. Поэтому субъективная сторона преступления представляет собой отражение в сознании субъекта объективных признаков содеянного².

Разумеется, при этом мы нисколько не умаляем роль объективной реальности, на основе которой создается и формируется психический мир лица. При рассмотрении взаимоотношений между объективной и субъективной сторонами преступления мы должны исходить из общефилософского понимания детерминизма и свободы воли, в соответствии с которым человеческое поведение, изменяющее мир, в конечном итоге само обусловлено окружающими условиями существования. Если субъективная сторона в известном смысле порождает, направляет и контролирует объективную сторону, то, следовательно, лицо может нести уголовную ответственность лишь за те свои намерения и желания, которые осуществились реально, и только в тех пределах, в которых оно охватывалось или могло охватываться субъективной стороной.

Таким образом, на любом человеческом действии лежит печать сознания и воли индивида. Различное соотношение воли и сознания дает основание для различия умысла и его видов, неосторожности и

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 12.

² См.: Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступного деяния (перевод с немецкого). М., 1958. С. 48.

его видов³. Следовательно, «...субъективная сторона тонко передает особенности различных преступлений и имеет большое значение в процессе квалификации. Если одно преступление чем-либо отличается от другого, то непременно различна их субъективная сторона. Даже и в тех случаях, когда те или иные преступления совпадают по объекту, а также объективной стороне и субъекту, они всегда имеют различные признаки субъективной стороны»⁴.

По этой причине правильное понимание содержания субъективных признаков опосредованного совершения преступления позволяет четко отграничить его от смежных форм преступной деятельности и избежать ошибок, часто имеющих место в деятельности правоохранительных органов из-за невыяснения субъективных признаков преступления, либо по причине неглубокого их изучения на предварительном и судебном следствии. Кроме этого, несмотря на обилие работ, посвященных вопросам соучастия и исполнения преступления, специфика субъективной стороны состава преступления при его совершении посредством других лиц в отечественной доктрине уголовного права в необходимой мере не изучена.

Восполняя этот пробел, обратимся к уголовному закону. Согласно ст. 5 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Из этого следует, что отечественное право последовательно и незыблемо проводит принцип виновной ответственности. Вину как уголовно-правовую категорию И. Я. Козаченко определяет как «...психическое отношение лица к совершаемому им конкретному общественно опасному деянию и к его общественно опасным последствиям, выраженному в форме умысла или неосторожности, в котором проявляется антисоциальная деятельность виновного, порицаемая судом от имени Российской Федерации»⁵. В свою очередь, психическое отношение следует понимать как «позицию личности ко всему, что её окружает, и к

³ См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 341.

⁴ Баймурзин Г.Р. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 72.

⁵ Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко. М., 2009. С. 275.

самой себе»⁶. Признавая значимость других факультативных элементов субъективной стороны состава преступления (мотив, цель и эмоции), отметим, что последние применительно к проблемам опосредованного причинения вреда, на наш взгляд, не имеют собственной уголовно-правовой специфики, а потому рассматривать их по отдельности нецелесообразно; к ним мы будем обращаться по мере необходимости.

Вина в опосредованном совершении преступления характеризуется теми же признаками, что и общее понятие вины, однако с особенностями, вытекающими из специфической природы рассматриваемого уголовно-правового института. С точки зрения форм вины опосредованное совершение преступлений относится к категории преступлений, совершаемых только умышленно, поскольку преступник желает наступления преступного результата. Что же входит в умысел прикосновенного совершителя, каково предметное содержание его субъективной стороны, в первую очередь вины? По нашему мнению, предметное содержание вины опосредованного причинителя вреда определяется теми обстоятельствами, которые осознает преступник, куда входит осознание им:

а) характера собственного поведения в виде психического и (или) физического воздействия на другое лицо, не подлежащее уголовной ответственности;

б) того, что активные действия по изменению окружающей действительности будут предприняты этим лицом, а не им лично;

в) реальной возможности наступления общественно опасного последствия в результате действий опосредованного причинителя.

Из сказанного видно, что по своему содержанию умысел опосредованного совершителя преступления значительно шире, чем при остальных формах преступной деятельности. Если при других формах умышленной преступной деятельности содержание субъективной стороны в основном ограничивается сознанием характера собственного действия или бездействия и возможности наступления преступного последствия, то при опосредованном причинении вреда субъективная сторона лица, помимо указанных моментов, включает также сознание субъектом общественной опасности действий, совершаемых невиновными лицами.

⁶ Векленко С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. Омск. 2002. С. 67.

Далее, в составе умысла уголовный закон выделяет две разновидности - прямую и косвенную. Для прямого умысла характерно, что лицо сознавало общественную опасность своего деяния, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. При косвенном умысле лицо осознавало общественную опасность своего деяния, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало возможность их наступления либо относилось к их наступлению безразлично. Отграничение данных разновидностей умысла проводится в основном по волевому критерию, означающее, что при прямом умысле лицо сознает возможность наступления общественно опасных последствий и желает этого, а при косвенном умысле относится к ним безразлично либо не желает их.

В случаях опосредованного причинения вреда субъективная сторона состава преступления усложнена тем, что сознанием преступника охвачены не только свои действия, но и действия своего невольного помощника, а равно результаты их совместных усилий.

Главная проблема для теории и практики, на наш взгляд, кроется в опосредованном причинении вреда, совершенном с косвенным умыслом. Примером подобного случая, на наш взгляд, может служить следующий. Некто А. задумал отомстить В., но не определился, как это сделать. Одновременно с этим А. опасался уголовной ответственности и поэтому в глубине души не желал собственноручно нарушать уголовный закон. Поколебавшись, А. дал указание малолетнему Б. сделать В. «плохо, потому что В. плохой человек», не называя конкретный способ действий и конечную цель. В соответствии с этим указанием Б. убивает В. Вопрос: подлежит ли уголовной ответственности А. за умышленное лишение жизни В.? Если да, то следует ли считать умысел А. прямым или косвенным?

Решение этой проблемы, на наш взгляд, возможно путем глубокого анализа субъективной стороны преступника, а именно её интеллектуального и волевого критериев. Бесспорно, что А. сознавал, что Б. предпримет какие-либо общественно опасные действия во исполнение его неопределенного указания. Если А. был уверен в обратном, с подобной просьбой он не стал бы обращаться к Б. Таким образом, осознавая неизбежность или реальную возможность наступления вредных последствий от действий Б., А. не знал, в чем конкретно они будут выражены. Следовательно, мы не вправе говорить о наличии у А. волевого критерия прямого умысла,

указывающего на то, что последний желал наступления конкретных общественно опасных последствий.

В том же время А., дав Б. соответствующее указание, осознавал общественную опасность действий Б. и предвидел реальное наступление достаточно широкого круга последствий от них. К возможности их наступления А. относился двояко: допускал их наступление, либо относился к ним безразлично. Следовательно, налицо вина А. в форме косвенного умысла. Разумеется, изложенное справедливо лишь в том случае, если будет доказана причинная связь между неопределенным указанием А. и смертью В. В ином случае, даже при вышеизложенном отношении А. к последствиям, налицо уголовно-правовой казус.

Его примером является случай, когда А., не надеясь быть услышанным, в сердцах воскликнет: «Ну кто же избавит меня от этого плохого В.?» Случайно оказавшийся рядом шизофреник Б., отличающийся повышенной внушаемостью, воспримет это как руководство к действию и причинит смерть В. Несмотря на то, что А. выразил вовне свое желание физического устранения В. (волевой критерий), субъективно А. не предполагал и не мог предполагать общественно опасного характера своего высказывания, а тем более наступления вреда от них. Более того, А. никогда бы не решился на реальное причинение вреда В. из-за страха перед уголовным наказанием (интеллектуальный критерий).

Также неправильно, на наш взгляд, слишком поспешно отмахиваться от тех лиц, которые утверждают, что слышат настойчивые голоса, подталкивающие их к насилию. Полагаем, что в окружающем мире имеется достаточное количество реальных голосов, настаивающих только на этом, однако не воспринимаемых сознанием человека. По нашему мнению, в мире действующей на подсознание рекламы и других передовых методов манипуляции человеческой психикой, возможности для внешне немотивированных поступков, в том числе связанные с причинением вреда, уже созданы, причем самым неожиданным способом. По мнению В.Ф. Прокофьева, главная особенность информационных технологий скрытого типа в том, что они «...скрытно (скорее даже тайно), т.е. без ведома субъекта воздействия, лишают его права самостоятельного выбора логически обоснованных решений, свободы выбора своего поведения, исполнения желаний, выражения эмоций и даже психофизиологического состояния организма (настроения, здоровья). Это достигается либо предварительным введением субъекта воздействия в измененное